

Только нам только снится

АНАСТАСИЯ РАФАЕНКО

Анастасия Рафаенко

Покой нам только снится

<https://litres.ru/73974958>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Наследный Принц врывается в тронный зал с хрупкой красавицей и объявляет о разрыве помолвки ради «истинной любви» – его бывшая невеста не плачет и не падает в обморок, – она считает. Стоимость платья разлучницы – восемьсот лянов. Годовое жалование роты пехотинцев – шестьсот. Неподписанных указов на столе – четырнадцать.

Чжао Юньси девятнадцать лет. За спиной – мать, чье золото кормит Империю, отец-генерал, чей меч Империю защищает, и брат-судья, чья логика не знает пощады. Впереди – свобода от инфантильного жениха и темная фигура главы Тайной Стражи, проникающего в ее павильон исключительно через окно.

Принц думает, что совершил романтический подвиг. Его новая возлюбленная думает, что выиграла трон. Они не подозревают, что вытолкнули из машинного отделения единственных людей, умевших этой машиной управлять.

А Юньси? Юньси наконец-то выспится, а потом – скупит этот мир по частям.

Содержание

Пролог	5
Глава I. Утренний чай со послевкусием оскорблений	12
Глава II. Семейный совет генерала-симулянта	22
Глава III. Поэзия не кормит армию	31
Глава IV. Ночной визитер в черном с золотом	40
Глава V. Первый провал «Белого Лотоса»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анастасия Рафаенко

Покой нам только снится

Пролог

Зал Малого Трона пахнет застарелым сандалом, пылью вековых амбиций и легким, едва уловимым духом гниющей бюрократии. Сквозь резные решетки окон пробивается тусклый зимний свет, ложась на горы свитков, что возвышаются на столе из черного дерева подобно миниатюрным горным хребтам. Шея нещадно ноет от тяжести золотых шпилек, удерживающих сложную конструкцию из накладных волос и нефритовых гребней, а парадное платье, расшитое девятью фениксами, тянет плечи к земле, словно соткано не из шелка, а из свинцовых пластин. Быть будущей императрицей Великой Янь – значит не слушать придворных поэтов и не вкушать засахаренные лепестки лотоса, а сводить дебет с кредитом, пока остальной двор предается бесплодным мечтаниям о величии.

Пока Сын Неба медитирует в саду, созерцая игру карпов, а министры спорят о длине рукавов на церемониальных халатах, кому-то приходится закупать зерно для северных гарнизонов, латать дыры в бюджете Министерства Ритуалов и рассчитывать логистику чайных караванов. И этот «кто-то» последние пять лет – я. Кисть из волчьего волоса выводит ровные столбцы цифр на шершавой бумаге, подсчитывая убытки от недавнего наводнения в провинции Хунань. Мысли предательски соскальзывают с государственных дел

к образу мягкой пуховой перины, теплого одеяла и абсолютной, звенящей тишины, не нарушаемой стуком счетов.

Тяжелые створки дверей с грохотом распахиваются, впуская в душное помещение порыв ледяного ветра и клубы сухих листьев.

Я инстинктивно прикрываю ладонью свеженаписанный отчет, спасая его от чернильных клякс, и лишь затем поднимаю взгляд. На пороге, замерев в театральной позе, стоит Наследный Принц Ли Цзянь. Его грудь вздымается под парчовым халатом, глаза горят праведным огнем мученика, готового бросить вызов самому Небу ради высшей истины. В своей правой руке он трепетно, почти благоговейно сжимает хрупкие пальцы Су Ваньэр. Девушка облачена в струящиеся одежды цвета первого снега, ее плечи опущены, а в огромных, бездонных глазах дрожат непролитые слезы, способные растопить даже ледники Куньлуня.

Принц выглядит как герой-любовник из дешевой балаганной пьесы, решивший сразиться с драконом, коим в его воспаленном воображении являюсь я.

– Юньси! – голос Ли Цзяня звенит от надрыва, эхом отражаясь от высоких сводов. – Хватит притворяться! Я больше не могу жить во лжи, задыхаясь в золотой клетке политического брака, выкованного амбициями наших семей!

Я аккуратно откладываю кисть на нефритовую подставку, мысленно благодаря небеса за то, что тушь не успела капнуть на сводку налогов с соляных копей. Взгляд скользит по фи-

гуре моей соперницы, оценивая детали с холодным прагматизмом аукциониста. Су Ваньэр падает на колени, изящно заламывая руки так, чтобы широкие рукава скользнули, обнажив фарфоровую белизну запястий.

– Сестра Чжао, простите мою ничтожную дерзость! – ее голос дрожит, как струна пипы перед разрывом. – Я не смею отнимать у вас статус, принадлежащий по праву рождения. Позвольте мне быть хотя бы просто служанкой при Его Высочестве, поливать цветы в его покоях и стирать его одежды, лишь бы изредка видеть его божественный лик!

Евнухи, прибежавшие на шум, замирают у косяков, затаив дыхание. В воздухе повисает ожидание женских слез, битья посуды или угроз призвать на помощь грозного отца-генерала. Ли Цзянь шире расправляет плечи, готовый грудью защитить свою хрупкую возлюбленную от моего неминуемого гнева.

Вместо этого я продолжаю разглядывать платье «скромной служанки». Ткань, из которой оно сшито, называется «шелк лунного света». Ее ткут в южных провинциях, добавляя в нити толченый жемчуг и серебряную пыль, чтобы материя мерцала при каждом вздохе. Стоимость одного такого наряда на столичном рынке составляет около восьмисот лянов серебра. Годовое жалованье роты пехотинцев, проливающих кровь на северных рубежах, едва дотягивает до шестисот. Какая восхитительно дорогая служанка. Какая безупречная, отточенная годами тренировок лицемерная бед-

ность.

– Ваше Высочество, – мой голос звучит ровно, без единой трещинки, нарушая повисшую тишину. – Небеса даровали вам прозрение, а мне – избавление от бремени, к которому я, признаться, не питала должного пиетета.

Я медленно поднимаюсь. Тяжелая парча шуршит, подобно осенней листве под ногами слона. Движения выверены до миллиметра: ни одного лишнего вздоха, ни одного дрогнувшего мускула на лице. Сделав шаг вперед, я складываю руки и опускаюсь в идеальном, математически безупречном придворном поклоне. Спина прямая, угол наклона ровно сорок пять градусов, пауза на три удара сердца.

– Желаю вам обоим долголетия и гармонии, подобной союзу Феникса и Дракона. Пусть ваша истинная любовь станет тем фундаментом, на котором возведется процветание Великой Янь.

Ли Цзянь моргает, его праведный пыл натывается на невидимую, но абсолютно непробиваемую стену моего равнодушия. Су Ваньэр, все еще стоящая на коленях, на секунду сбивается с ритма, и в ее глазах, наполненных слезами, мелькает тень растерянности. Сценарий пошел не по плану. Жертва не сопротивляется, а значит, триумф палача теряет всякий смысл.

Разогнувшись, я поворачиваюсь к столу и беру в руки увесистую стопку недописанных свитков, перевязанных алым шнурком. Подхожу к Принцу, чье лицо начинает приобре-

тать пунцовый оттенок от непонимания, и с вежливой улыбкой вкладываю бумагу в его свободную руку.

– Раз уж я больше не будущая хозяйка этого дворца, смею вернуть эти мелкие заботы истинному правителю, – произношу я, глядя прямо в его расширенные зрачки. – Здесь отчеты о прорыве дамбы на юге и сметы на закупку камня для укрепления берегов. Не забудьте подписать указ до заката, Ваше Высочество. Иначе воды поглотят рисовые поля, и дворцу придется питаться одними лишь высокими чувствами, а они, как известно, плохо утоляют голод.

Пальцы Принца инстинктивно сжимаются вокруг свитков, словно он ловит падающий кирпич. Вес государственной машины, о котором он предпочитал не думать, физически давит на его ладони.

– Юньси... что это значит? – бормочет он, растерянно глядя на бумагу, а затем на меня.

– Это значит, что ваша помолвка расторгнута по вашему же настойчивому требованию, – мягко напоминаю я, поправляя широкий рукав. – А теперь, если позволите, меня ждут дела, не терпящие отлагательств.

Развернувшись на каблуках, я направляюсь к выходу. Шаги гулко отдаются в просторном зале, отмеряя ритм моего освобождения. Никто не смеет преградить путь. Евнухи расступаются, вжимаясь в резные колонны, а Су Ваньэр так и остается стоять на коленях, ее безупречная мизансцена разрушена моим полным отсутствием интереса к ее персоне.

Тяжелые двери Малого Трона закрываются за спиной с глухим, окончательным стуком, отсекая запахи сандала и чужого безумия.

Оказавшись в прохладных сумерках крытой галереи, ведущей к внешним воротам Запретного города, я останавливаюсь. Вокруг нет ни души, лишь ветер шелестит сухими ветвями старой сливы. Медленно, с наслаждением, которого не испытывала годами, я вынимаю из прически одну за другой тяжелые золотые шпильки. Невидимый обруч, сдавливающий виски, исчезает. Волосы тяжелым водопадом рассыпаются по плечам. Я разминаю затекшую шею, вдыхая морозный, чистый воздух, пахнущий снегом и свободой.

Одиннадцать лет. Одиннадцать лет зубрежки устаревших законов, бесконечных махинаций с поставщиками, умиротворения капризных министров и борьбы за чужой, шаткий престол, который держался исключительно на золоте моей матери и мече моего отца. Все это окончено. Одним нелепым, театральным жестом инфантильного мальчика, возмнившего себя творцом своей судьбы.

Интересно, обрадуется ли матушка, если я сообщу ей, что мы наконец-то закрываем наш самый убыточный благотворительный фонд под названием «Великая Янь»? Брат, несомненно, составит безупречный с юридической точки зрения акт о ликвидации, а отец устроит по этому поводу пир, заколов трех откормленных свиней.

Но все это потом. Сначала мне нужно добраться до дома,

забраться в свою кровать, укутаться в одеяло из гусиного пуха и проспать ровно двенадцать часов. А если кто-то посмеет разбудить меня раньше – ему не позавидует даже сам Император.

Глава I. Утренний чай со послевкусием оскорблений

Утренний свет, процеживаясь сквозь резные решетки из красного сандала, ложится на нефритовые плитки пола узорчатыми пятнами, напоминающими чешую спящего дракона. Я лежу, завернувшись в одеяло из пуха снежных гусей, и с наслаждением вдыхаю аромат тлеющего в бронзовой курильнице алойного дерева. Покой в поместье Чжао – категория не философская, а сугубо экономическая: он оплачен звонким серебром, надежными караванными путями и монополией на чайные плантации южных провинций.

Но покой, как известно, длится лишь до тех пор, пока не вмешиваются те, кто не умеет считать.

Двери моих покоев распахиваются без стука. На пороге возникает матушка, на ней халат цвета осенней листвы, сшитый из той самой шу-парчи, что в этом сезоне доступна лишь трем самым богатым торговым домам столицы, и, разумеется, самой матушке. Никаких вышитых фениксов, никаких кричащих узоров – только безупречная фактура ткани, стоящая дороже, чем годовое жалование министра ритуалов. В руках она сжимает гроссбух в акульей коже.

– Вставай, Юньси, – голос матушки звучит ровно, с той самой пугающей спокойной интонацией, которая обычно пред-

шествует банкротству конкурентов. – К нам едет Императрица.

Я медленно сажусь, позволяя служанкам тут же подхватить тяжелые шелковые пологи.

– Императрица? В час, когда двор только начинает отходить от вчерашнего пира в честь цветения сливы? Должно быть, казна вновь обнаружила, что золото не размножается само по себе в темных сундуках.

Матушка усмехается, пробегая пальцами по столбцам цифр.

– Хуже. Она едет с милостью. С той самой, что тяжелее свинцовой руды. Твой отец, к слову, уже начал харкать кровью в восточном павильоне.

Из открытого окна доносится театральный, надрывный кашель генерала Чжао. «Увы! – разносится по саду зычный, полный страдания баритон, способный перекричать барабанный бой на поле брани. – Сырость столичных ветров вновь открыла мои старые раны, полученные в битве при Лояне! Я не смогу присутствовать на утреннем приеме, ибо моя грудь пылает огнем!» Я закатываю глаза. Отец получил эту «рану» от пьяного солдата, уронившего ему на ногу бокал с вином, и случилось это позавчера. Но забастовка в исполнении великого полководца – это искусство, недоступное пониманию дворцовых евнухов.

– А как же брат? – спрашиваю я, позволяя горничным укладывать волосы в строгую, безупречную прическу, за-

крепляя их шпильками из белого нефрита.

– Твой брат заперся в архиве и притворился свитком с указами династии Хань, – сухо отвечает матушка. – Он сказал, что логика дворцовых интриг нарушает его понимание причинно-следственных связей, и ушел в отпуск. Нам придется развлекать высокую гостью вдвоем.

Главный зал нашего поместья не сияет позолотой, как тронный зал. Здесь царит тяжелое, давящее великолепие древнего черного дерева, антикварного фарфора и свитков, за которые императорская библиотека продала бы половину своих наложниц. Когда носилки Императрицы, окруженные тощей свитой, пересекают наши ворота, я замечаю, что золотая фольга на деревянных шестах носилок местами облезла, а халаты евнухов выцвели на солнце. Империя Великая Янь напоминает мне лавку, хозяин которой проел оборотный капитал, но продолжает нанимать глашатаев, чтобы те кричали о мнимом величии.

Императрица восседает на гостевом помосте, старательно выпрямляя спину, словно корсет из гордости – единственное, что удерживает ее от распада. Я опускаюсь на колени, касаясь лбом прохладного пола, изображая безупречную покорность.

– Ваша Величество озаряет наш скромный дом подобно весеннему солнцу, – произношу я, вкладывая в голос ровно столько трепета, сколько требуется по протоколу, и ни капель больше.

– Встань, дитя, – милостиво кивает Императрица. Ее взгляд скользит по моему лицу, оценивая, а затем переходит к матушке, чье присутствие в комнате ощущается как тяжелый мешок с серебром, упавший на весы. – Я пришла не как повелительница, а как женщина, пекущаяся о благе тех, кто верен трону.

Служанки подают чай – «Белый Пион», собранный с туманных пиков до того, как солнце коснется листьев, заваренный на талой воде. Императрица делает глоток, и на долю секунды ее маска безразличия трескается – она никогда не пила ничего подобного во Внутреннем Дворце. Дворец пьет чай, который мои корабли продают оптом в северные варварские степи.

– Помолвка Юньси и Наследного Принца была расторгнута по воле небес и... нежного сердца Цзяня, – начинает Императрица, тщательно подбирая слова, словно ступая по тонкому льду. – Принц нашел утешение в лице Су Ваньэр. Девушки кроткой, как лань, и чистой, как лотос, пробившийся сквозь ил.

Я опускаю ресницы, пряча холодную усмешку. «Лотос, пробившийся сквозь ил». Как поэтично. Жаль только, что этот лотос тайно скупает долговые расписки мелких чиновников через подставных евнухов, но кто же будет говорить о таких прозаичных вещах за чашой божественного чая?

– Однако, – продолжает Императрица, и в ее голосе прорезается сталь, закаленная в бесконечных гаремных интри-

гах, – Ваньэр обладает душой, полной сострадания. Она плакала всю ночь, терзаясь мыслью о том, как сестра Чжао будет жить с позором разорванной помолвки. Какой жених посмеет взять ту, кого отверг будущий Сын Неба? И тогда наша добрая Ваньэр предложила решение, продиктованное истинной сестринской любовью.

Матушка медленно ставит фарфоровую чашу на стол. Звук соприкосновения обожженной глины с деревянной столешницей звучит как удар судейского молотка.

– И каково же это решение, Ваше Величество? – спрашивает матушка. Ее голос бархатен и мягок, как петля палача.

– Восточный Дворец обширен, – торжественно изрекает Императрица. – Юньси войдет в него не как отвергнутая, а как благородная наложница второго ранга. Под крылом и защитой самой принцессы Су. Ее положение будет безупречным, а честь – сохранена. Воистину, милосердие Ваньэр не знает границ!

Тишина в зале становится такой густой, что ее можно резать ножом для бумаги.

Я смотрю на свои руки, сложенные на коленях. Наложница второго ранга. Су Ваньэр не просто хочет унижить меня, она хочет сделать меня своей живой декорацией, ручным зверьком, которого можно гладить по головке на приемах, демонстрируя всем свое великодушие. Она хочет, чтобы я каждый день смотрела, как она носит мои цвета, живет в моих покоях и тратит мое приданое, улыбаясь той самой крот-

кой улыбкой, за которой скрывается ненасытная алчность. А Ли Цзянь... инфантильный щенок, искренне верящий, что он «спасает» меня от одиночества, позволяя греться у огня его величия. Они думают, что мир вращается вокруг их высоких чувств и дворцовых рангов.

– Какое... беспрецедентное великодушие, – тихо произношу я, поднимая глаза. – Принцесса Су заботится о моем крове. Но позвольте спросить, Ваше Величество, а заботится ли кто-нибудь о крове самого Восточного Дворца?

Императрица хмурится, не понимая, куда я клоню. Матушка же едва заметно улыбается уголком губ, передавая мне невидимую эстафету.

– Я слышала, – продолжаю я, и мой голос звенит в тишине, как хрустальный колокольчик, – что уголь для обогрева полов в покоях Наследного Принца в этом месяце не доставили. Угольщики из Шаньси отказались отгружать товар, поскольку Министерство Дворцовых Дел задолжало им за три сезона. Неужели принцесса Су предлагает мне разделить с ней холодные ночи, завернувшись в сострадание? Боюсь, оно плохо греет.

Лицо Императрицы покрывается багровыми пятнами.

– Дерзкая девчонка! Как ты смеешь говорить о делах казны в присутствии...

– Она говорит о делах казны, потому что казна говорит с нами каждый день, Ваше Величество, – мягко, но непреклонно перебивает матушка, открывая свой гротеск. – Поз-

вольте мне, невежественной торговке, освежить память Вашего Величества. В прошлом месяце дом Чжао выкупил долговые обязательства императорских шелковых мануфактур. Если бы не наши вливания, наложницы Внутреннего Дворца носили бы крашеную мешковину. Су Ваньэр предлагает моей дочери место под ее крылом. Но чье крыло, позвольте спросить? То, что соткано из долговых расписок, которые лежат в моем сейфе?

Императрица замирает, ее губы беззвучно шевелятся. Дворец привык повелевать, требовать, казнить и миловать. Но Дворец совершенно не умеет разговаривать с теми, кто держит в руках нити, на которых этот самый Дворец болтается над бездной.

– Наследный Принц, – продолжает матушка, не повышая голоса, – человек высоких идеалов. Но идеалы не оплачивают счета за рис и соль. Моя дочь не пойдет в Восточный Дворец наложницей. Хотя бы потому, что приданое, которое я за ней дам, превышает годовой доход всех восточных провинций вместе взятых. И я не желаю, чтобы мои деньги тратили на содержание той самой «кроткой лани», которая возомнила себя хозяйкой чужого кошелька.

– Вы... вы отказываете Самому Трону? – шепчет Императрица, и в ее глазах впервые проступает не гнев, а животный страх. Страх человека, осознавшего, что он пришел просить милостыню, но забыл надеть лохмотья.

– Мы не отказываем, Ваше Величество, – я склоняю голо-

ву в идеальном, издевательски безупречном поклоне. – Мы лишь заботимся о престиже короны. Подумайте, как это будет выглядеть? Дочь генерала, чья армия кормится из наших зернохранилищ, и дочь купчихи, чьи корабли возят ваш чай, идет в наложницы к девушке, чей отец был изгнан со службы за казнокрадство? Народ не поймет такой... щедрости. Народ решит, что Трон продан. А мы, ничтожные торговцы, слишком уважаем Сына Неба, чтобы позволить его репутации пострадать из-за капризов маленькой интриганки.

Императрица встает, ее руки дрожат, прячась в широких рукавах – она понимает, что попала в капкан. Любое ее слово сейчас – это признание слабости.

– Ваше Величество устала, – говорит матушка, поднимаясь и элегантно указывая на выход. – Наши носилки, обитые соболиным мехом, уже ждут, чтобы отвезти Вас обратно. И, пожалуйста, передайте принцессе Су, что дом Чжао ценит ее заботу. В знак благодарности мы прощаем ей тот небольшой долг в три тысячи лянов, который ее дядя взял у наших ростовщиков в прошлом году. Пусть это будет нашим свадебным подарком.

Когда за Императрицей закрываются тяжелые двери, а стук колес ее обшарпанных носилок затихает за воротами, я подхожу к окну. Ветер колышет ветви бамбука, шелестящие, словно пересчитываемые медные монеты. Су Ваньэр думала, что играет в дворцовую драму, где слезы и кротость – главное оружие. Она хотела сделать меня своей тенью, чтобы на

моем фоне ее фальшивый свет казался ярче. Ли Цзянь думал, что он герой любовного романа, великодушно спасающий брошенную невесту.

Они оба ошиблись. Это не роман и это не драма. Это бизнес.

Я оборачиваюсь к матушке. Она уже закрыла грессбух и с удовлетворением поправляет нефритовую застёжку на рукаве.

– Они не отступят, – говорю я. – Уязвленная гордость «белого лотоса» опаснее, чем стая голодных волков. Ваньэр начнет плести интриги, шептать на ухо Принцу, настраивать двор против нас. Она попытается разрушить наши торговые пути руками чиновников.

– Пусть пытается, – фыркает матушка. – Глупость – это налог, который они платят за свою власть.

Я смотрю на свои руки. На них нет мозолей от меча, как у отца, и чернильных пятен, как у брата. Но в моих венах течет та же холодная, расчетливая кровь семьи Чжао. Просто уйти, захлопнув дверь перед носом Императрицы – этого мало. Это лишь защита. А я ненавижу защищаться.

Су Ваньэр хочет держать меня рядом, чтобы вечно унижать? Отлично. Я не стану ее наложницей. Я стану ее кредитором. Я скуплю все долги Восточного Дворца, все закладные на земли ее родственников, все векселя, на которых держится ее хрупкий мирок из белого шелка и притворных слез. И когда придет время, я не буду плакать и строить козни в

гареме. Я просто пришлю судебных приставов моего брата, чтобы они описали ее имущество.

Покой нам только снится, но если уж просыпаться, то лишь для того, чтобы скупить этот мир по частям и перестроить его по своему вкусу.

Глава II. Семейный совет генерала-симулянта

Ужин в главном зале поместья Чжао никогда не бывает просто трапезойт – это еженедельное заседание совета директоров, замаскированное под семейное застолье, где звон фарфоровых чашей заменяет стук молотка аукциониста, а аромат тушеной утки в камфорном соусе маскирует запах больших денег. За окнами завывает северный ветер, срывая последние лепестки зимней сливы, но внутри, за столом из цельного ствола хайнаньского хуанхуали, царит безупречный климат-контроль, оплаченный лучшими углями из шахт Шаньси.

Отец с театральным стоном опускает нефритовые палочки на подставку и прижимает ладонь к левому боку, прямо поверх расшитого золотыми нитями домашнего халата.

– Сырость, – басит отец, и его голос, способный перекрыть барабанный бой на поле брани, теперь дрожит от напускной слабости. – Столичная сырость пробирает до костей. Старая рана от отравленной стрелы кочевников снова ноет. Боюсь, завтрашний утренний прием у Императора мне не пережить. Придется отправить прошение об освобождении от службы по состоянию здоровья.

Я неспешно наливаю себе бокал сливового вина, наблюдаю

дая за этой великолепной игрой. Генерал Чжао, чье имя заставляло степные орды бледнеть и отступать за Великую Стену, дома превращается в безобидного, слегка трусоватого медведя, панически боящегося дворцовых интриг и, что еще важнее, гнева собственной жены. Шрам на его боку действительно есть, но получил он его не от отравленной стрелы, а поскользнувшись на мокрой черепице, когда пытался тайком протащить в дом бездомного котенка для меня.

Матушка, даже не отрывая взгляда от гроссбуха в сафьяновом переплете, который она читает вместо молитвы перед едой, элегантно придвигает к нему пиалу с дымящимся отваром.

– Выпей, муж, – голос матушки сладок, как мед, и холоден, как ледник Тибета. – Это отвар из корня горького женьшеня и желчи змеи. Чрезвычайно полезен при фантомных болях от стрел, которых не было. И отбивает всякое желание посещать места, где слишком много сквозняков и пустых разговоров.

Отец сглатывает, глядя на черную жидкость с нескрываемым ужасом, но под тяжелым, не терпящим возражений взглядом супруги покорно подносит пиалу к губам. В доме Чжао иерархия выстроена не по воинским званиям, а по размеру годового оборота. А матушка, глава самого могущественного торгового дома Империи, находится на самой вершине этой пищевой цепи.

– Кстати о пустых разговорах, – матушка аккуратно про-

мокает уголки губ шелковой салфеткой и закрывает гробс-бух. Звук захлопывающейся обложки звучит в тишине зала, как приговор. – Сегодня ко мне явился главный евнух Министерства Дворцовых Дел. Слезно умолял продлить кредитную линию на закупку юньнаньского нефрита и шу-парчи. Якобы для обустройства покоев новой фаворитки Наследного Принца.

Я делаю глоток вина. Сладкая терпкость сливы обжигает горло, заставляя улыбнуться.

– И что ответила моя бесконечно щедрая матушка бедному слуге трона?

– Я ответила, что торговый дом Чжао больше не занимается благотворительностью, – усмехается матушка, и в ее глазах вспыхивают хищные, золотистые искры. – Слезам «белого лотоса» не свойственно конвертироваться в слитки серебра. Я заморозила все счета Восточного Дворца. Пусть Его Высочество Ли Цзянь оплачивает капризы своей возлюбленной из личного жалованья. Если, конечно, он вспомнит, где оно хранится.

Отец, допивший горькое зелье и теперь с отвращением жующий ломтик имбиря, одобрительно кряхтит.

– Правильно. Пусть мальчишка учится считать медяки. А то возомнил, что рис на столах растет сам по себе, пока он сочиняет стихи о луне. Моя армия на северных рубежах второй месяц сидит на половинном пайке, потому что казна задерживает субсидии, а они хотят нефритовые полы для дев-

ки, чей отец был уличен в казнокрадстве!

В этот момент в зал бесшумно входит мой старший брат, Чжао Чэнь. На нем строгий халат цвета грозового неба, без единой лишней складки, а его лицо, как всегда, лишено каких-либо эмоций, напоминая маску из белого фарфора. Он садится на свое место, берет палочки и с геометрической точностью отмеряет себе порцию овощей. Брат – главный судья столичного трибунала, человек, чей ум острее меча палача, а логика безжалостнее голода.

– Статья четырнадцать, – произносит Чжао Чэнь ровным, лишенным интонаций голосом, не глядя на нас. – Кодекс о чиновниках. Пункт третий. Невозможность исполнения служебных обязанностей вследствие конфликта интересов и когнитивного диссонанса.

Матушка с интересом приподнимает бровь.

– Ты заболел, Чэнь? В нашей семье это семейное. Твой отец уже «умирает» от сырости.

– Я ухожу в отпуск, – рублеными фразами сообщает брат, отправляя в рот стебель спаржи. – На лунный месяц. Наследный Принц вчера потребовал от меня возбудить дело о клевете против цензора, который посмел усомниться в поэтическом таланте Су Ваньэр. Логика Принца нарушает базовые принципы юриспруденции. Я не могу судить дела, где истица страдает манией величия, а истец – слабоумием. Трибунал будет закрыт на переучет архивов.

Я тихо смеюсь, прикрыв рот рукавом. Это и есть наша се-

мейная «забастовка». Мы не бунтуем, не плетем заговоров и не машем мечами. Мы просто строго следуем букве закона и заботимся о собственном здоровье, наблюдая, как некомпетентные выскочки у руля государства с треском врезаются в рифы реальности. Дворец – это гигантский, неэффективный механизм, который работал только потому, что моя семья тайно смазывала его шестеренки своим потом, кровью и золотом. Теперь, когда нас пинком вытолкнули из машинного отделения, этот механизм обречен на перегрев и взрыв.

Я обвожу взглядом своих родных. Вот они, истинные столпы Великой Янь. «Торгашка», «войка» и «бюрократ» – именно так называют нас за спинами высокородные аристократы, попивая вино, купленное на деньги моей матери. Они презирают нас за отсутствие древних родословных, но именно они первыми прибегут к нашим воротам, когда их шелковые халаты станут слишком тонкими для зимних ветров.

С восьми лет, пока другие девочки из знатных семей выводили иероглиф «смирение» на рисовой бумаге, я сидела в конторе матушки и училась читать биржевые сводки. В десять лет я знала, как манипулировать ценами на зерно в провинции Цзяннань, чтобы заставить жадных наместников плясать под нашу дудку. В пятнадцать я тайно переписала логистические маршруты императорской почты, сделав их прибыльными. Я готовилась стать Императрицей не ради короны на голове, а ради возможности навести порядок в этом хаосе, превратив раздутый, коррумпированный двор в рабо-

тающий, прибыльный живой организм.

И что же? Инфантильный щенок Ли Цзянь, испугавшийся моей силы и ума, предпочел хрупкую, плачущую куклу, которая умеет лишь интриговать в гареме и тратить чужие деньги. Су Ваньэр думает, что победила, отобрав у меня титул, она думает, что Восточный Дворец – это вершина мира. Глупая, жалкая девочка, она выиграла право стать хозяйкой золотой клетки, даже не подозревая, что я владею кузницей, где эту клетку выковали, и зернохранилищами, из которых кормят ее стражников.

– Юньси, – мягкий голос матушки вырывает меня из размышлений. Она смотрит на меня с той редкой теплотой, которую она обычно бережет для годовых отчетов с тройной прибылью. – Ты держись молодцом, но я вижу, как ты сжимаешь палочки. Если ты хочешь, чтобы твой отец собрал конницу и проехался по садам Су Ваньэр, просто скажи. Он сделает это, даже если ему придется притвориться, что он лунатик.

Отец поперхнулся вином, но героически кивнул, стараясь не встречаться взглядом с супругой.

– Нет, матушка, – я аккуратно кладу палочки на подставку и выпрямляю спину. Тяжесть парадного платья сменилась легкостью домашнего шелка, и вместе с ней уходит напряжение последних дней. – Конница в садах – это грубо, шумно и, что самое важное, убыточно. Кровь на лепестках пионов портит вид, а осада дворца нарушит торговые пути.

Я беру фарфоровый кувшин и разливаю вино по чашам родных. Жидкость цвета темного янтаря ловит отблески свечей.

– Су Ваньэр хочет держать меня рядом, чтобы унижать? Принц хочет, чтобы я стала его наложницей и тенью? Они оба страдают одним и тем же недугом – они путают декорации с реальностью. Они думают, что власть – это титулы, печати и право сидеть на троне. Но власть, моя семья, – это право решать, кому продавать чернила, которыми подписываются указы.

Брат одобрительно кивает, его ледяное лицо на долю секунды оживает.

– Экономическая блокада эффективнее военной. Статистика подтверждает.

– Именно, – я поднимаю свою чашу. – Я не буду плакать в подушку и не стану плести дешевые интриги с евнухами. У меня начинается отпуск. И я намерена провести его с пользой. Пока Принц и его «белый лотос» будут играть в высокую любовь и тратить последние крохи казны на шелка и пиры, я скуплю долговые расписки всех министров, которые им покровительствуют. Я перехвачу контракты на поставку железа и соли. Я сплету такую сеть, что когда Ли Цзянь захочет сделать шаг влево или вправо, он обнаружит, что земля под его ногами принадлежит мне.

Отец расплывается в широкой, довольной улыбке, от которой его грозные шрамы становятся похожи на добрые мор-

щинки.

– Вот это моя дочь! Настоящий полководец! Не штурмовать стены, а перекрывать акведуки!

– Разумно, – кивает матушка, и в ее глазах загорается огонь истинного, чистого восхищения. – Я выделю тебе неограниченный кредит из личных фондов. Покупай все, что плохо лежит и помни, дорогая: если они захотят объявить тебе войну, убедись, что мы владеем фабриками, производящими их стрелы.

– Обязательно, матушка, – я касаюсь краем своей чаши ее сосуда. Звон тонкого фарфора разносится по залу, чистый и окончательный, как удар колокола, возвещающий начало новой эры.

Я делаю глоток. Вино теплое, пряное, с нотками корицы и выдержанной сливы. Впервые за одиннадцать лет я не думаю о том, как угодить Императору, как сбалансировать бюджет Министерства Ритуалов или как вежливо улыбаться глупым аристократам. Мой разум чист, как лист дорогой рисовой бумаги, на котором только предстоит написать новый свод законов.

Покой нам только снится, говорили древние мудрецы. Что ж, пусть Империи Великой Янь снятся кошмары о пустой казне и бунтующих провинциях. А я, Чжао Юньси, наконец-то выплусь. А завтра, на свежую голову, я начну скупать этот мир по кусочкам.

Глава III. Поэзия не кормит армию

Прошла неделя с тех пор, как я сложила с себя бремя спасения Великой Янь, и мир, вопреки ожиданиям придворных поэтов, не рухнул в одночасье, а начал медленно, методично и весьма дорого тонуть.

Я сижу в беседке «Слушающая Сосна», кутаясь в накидку из соболиного меха, и с наслаждением вдыхаю аромат жареных каштанов и морозной свежести. На столе передо мной, рядом с чашой дымящегося чая Да Хун Пао, лежит стопка перехваченных донесений. Матушка всегда говорила, что информация – это единственный товар, который не портится от влажности, если правильно его упаковать. А наши осведомители во Внутреннем Дворце упаковывают ее безупречно.

Я разворачивает свиток с транскриптом утренней беседы в Павильоне Пьяных Лотосов. Буквы выведены мелким, аккуратным почерком евнуха, которому моя семья платит больше, чем ему полагается по штатному расписанию Империи.

«Его Высочество Наследный Принц Ли Цзянь изволил жаловаться на грубость бумаги, используемой Министерством Военных Дел, – читаю я, позволяя себе легкую, ядовитую усмешку. – По словам Его Высочества, шершавая фактура свитков ранит его утонченные пальцы и мешает сосредоточиться на созерцании зимнего пейзажа. Принцесса

Су Ваньэр, массируя виски Его Высочеству, заметила, что военные отчеты вообще лишены поэтической гармонии, и предложила решение, способное облегчить страдания будущего Сына Неба».

Я отпиваю чай, чувствуя, как тепло разливается по груди. Воображение, подстегиваемое сухими строчками отчета, рисует эту сцену с кинематографической четкостью. В павильоне, утопающем в облаках благовоний, Ли Цзянь, вероятно, с раздражением отодвигает от себя стопку срочных донесений о передвижении кочевников за Великой Стеной. Свитки растут на его столе, как бамбук после весеннего дождя, превращаясь в непреодолимый барьер между ним и реальностью. Он искренне не понимает, почему эти уродливые иероглифы, требующие подписи и выделения серебра, не исчерпывают сами собой, стоит лишь прочесть вслух пару строф о красоте опадающей листвы.

И тут на сцену выходит Су Ваньэр – «белый лотос», она не требует, не настаивает, не плетет грубых интриг, она просто склоняет голову, позволяя лучу зимнего солнца осветить ее безупречный профиль, и начинает говорить о заботе.

«Ваше Высочество, – шепчет Су Ваньэр, и я почти слышу этот сладкий, тягучий голос, от которого у нормальных людей сводит скулы, – ваша душа слишком чиста для грубых цифр и кровавых карт. Позвольте тем, кто любит вас, взять на себя эту черную работу. Мой старший брат, Су Чжэнь, обладает сердцем, полным сострадания, и кистью,

способной вывести иероглиф «мир» так, что даже дикий гусь уронит слезу. Разве не такой человек должен стоять во главе Северного Гарнизона? Он усмирит варваров не грубым железом, а высокой культурой!».

Я откладываю свиток и зажмуриваюсь, чтобы насладиться всей глубиной этого абсурда. Су Чжэнь. Человек, который в прошлом году умудрился проиграть в кости семейную пагоду и чье понимание военной тактики ограничивается расстановкой фигур на доске для го. Назначить его командующим Северным Гарнизонам – это все равно что поручить глухому настраивать императорские колокола.

Но Ли Цзянь, чей мозг надежно защищен от реальности слоем розовой глазури, несомненно, воспринял это как откровение. В отчете евнуха дословно зафиксирован ответ Принца: *«Твой брат – истинный сын небес! Генерал Чжао – грубый вояка, который только и умеет, что кричать и махать мечом. Он пугает лошадей и портит фэнишуй пограничных застав. Су Чжэнь покажет этим грязным кочевникам, что такое истинная гармония! Пусть он займет место этого симулянта!»*

Симулянта! Моего отца, чьи шрамы украшают тело, как карта завоеванных земель, назвали симулянтом! Я аккуратно сворачиваю донесение и бросаю его в бронзовую жаровню. Огонь жадно лижет бумагу, превращая чужую глупость в приятное, согревающее тепло. Поэзия не кормит армию, но она отлично горит.

К полудню мне приходится покинуть уютное убежище и отправиться в Министерство Чиновничьих Назначений. Отец, чья «смертельная болезнь» сегодня выражается в легком насморке и нежелании надевать парадные доспехи, поручил мне официально сдать печать командующего столичным гарнизоном. Брат Чэнь, сопровождающий меня в качестве представителя судебного ведомства, шагает рядом с лицом, выражающим абсолютное, ледяное безразличие к окружающему миру.

– Передача полномочий, – Брат Чэнь рубит фразы, когда мы входим в огромный, продуваемый сквозняками зал Внешнего Двора. – Процедура стандартная, риск коррупции минимален, риск идиотизма – критический.

– Успокойся, Чэнь, – отвечаю я, поправляя тяжелые рукава своего парадного халата цвета спелой вишни. – Мы просто возвращаем им их же игрушки. Пусть играют.

Зал Министерства напоминает улей, из которого выкурили пчел, но оставили мед. Чиновники суетятся, шурша бумагами, их лица блестят от пота, несмотря на зимний холод. Все они уже знают. Слухи в столице распространяются быстрее, чем чума в портовом городе.

Нас проводят в боковую галерею, отделенную от Императорского Кабинета лишь тяжелой шелковой ширмой, расшитой золотыми драконами. Здесь, в полумраке, мы должны дождаться главного евнуха, чтобы передать яшмовую печать. Но сквозь тонкие нити шелка мне прекрасно видно и

слышно все, что происходит по ту сторону.

Император сидит за своим массивным столом из черного дерева. Он выглядит старым, уставшим человеком, чье лицо испещрено морщинами, похожими на трещины на высохшей глине. Но его глаза, темные и бездонные, как колодец без дна, остаются пугающе ясными. Перед ним лежит эдикт, написанный рукой Наследного Принца. Тот самый эдикт о назначении Су Чжэня на пост Главнокомандующего Северными Рубежами и передаче логистики клану Су.

Главный секретарь Тайного Совета, человек, чья спина согнулась от десятилетий службы, тихо произносит:

– Ваше Величество, это назначение нарушает все негласные правила баланса сил. Клан Су не имеет ни опыта, ни ресурсов для снабжения армии. Северный ветер не щадит тех, кто читает стихи вместо сводок о фураже. Если варвары прорвут заставы...

Император медленно поднимает руку, и секретарь мгновенно замолкает. В зале повисает тишина, настолько густая, что звон нефритовых подвесок на моем поясе кажется оглушительным. Я задерживаю дыхание, наблюдая за профилем правителя Великой Янь. В этот момент я вижу не отца, оплакивающего глупость сына, и не мудреца, пекущегося о благе государства. Я вижу безжалостного инвестора, который хладнокровно наблюдает, как неопытный наследник сжигает его капитал.

– Мой сын верит, что миром правят высокие чувства и

красота слога, – голос Императора тих, но он разносится по залу, как скрежет стали по камню. – Он считает, что армия – это декорация для его триумфов, а казна – бездонный сундук с сокровищами. Он хочет окружить себя льстецами, которые будут шептать ему сладкие сказки.

Император берет в руку кисть из волчьего волоса, обмакивает ее в киноварь. Красная капля, тяжелая и густая, как кровь, повисает на кончике.

– Пусть учится, – произносит Император, и на его губах мелькает тень циничной, жестокой усмешки. – Уроки, оплаченные чужой кровью, усваиваются лучше всего. Если клан Су развалит армию, народ возненавидит не Принца, а его советников. А когда варвары подойдут к стенам столицы, мой сын наконец-то поймет, что поэзия не останавливает стрелы. Тогда он сам, на коленях, приползет обратно к генералу Чжао и будет умолять его вернуться. А я... я просто подпишу этот указ.

Кисть опускается на бумагу. Резкий, уверенный росчерк. Печать Империи, тяжелая и неумолимая, оставляет на эдикте багровый след. Секретарь кланяется до самого пола, его плечи дрожат. Он понимает, что только что стал свидетелем того, как Император сдал три северные провинции в жертву педагогическому эксперименту.

Я стою за ширмой, и внутри меня поднимается волна холодного, кристально ясного бешенства, мгновенно сменяющегося ледяным расчетом. Император не глуп. Он циничен.

Он готов позволить Су Чжэню разрушить оборону, чтобы Ли Цзянь разочаровался в своих «друзьях» и вернулся в лоно традиционной аристократии. Император считает, что семья Чжао, как верные псы, всегда будет ждать на пороге, готовая броситься спасти трон по первому зову. Император считает, что мы – его страховочная сетка.

Я поворачиваюсь к брату. Чэнь смотрит на меня, и в его ледяных глазах я читаю тот же самый, безупречно логичный вывод.

– Ошибка в расчетах, – тихо произносит брат. – Император не учел фактор усталости материала.

– Именно, – киваю я, и мои губы растягиваются в улыбке, от которой евнух, подошедший принять печать, невольно делает шаг назад. – Страховочная сетка только что перешла в собственность другого акционера.

Я протягиваю евнуху тяжелую яшмовую печать, завернутую в желтый шелк.

– Передайте Его Величеству, что генерал Чжао глубоко скорбит о невозможности служить дальше. Его здоровье подорвано, а врачи настаивают на немедленном отъезде в южные поместья, где воздух более благоприятен для легких. Мы покидаем столицу сегодня же.

Евнух бледнеет, его руки трясутся, принимая символ военной власти.

– Но... госпожа Чжао... кто же будет командовать столичным гарнизоном? Клан Су еще не прибыл из провинции...

– О, я уверена, принцесса Су Ваньэр найдет среди своих родственников кого-нибудь, кто умеет красиво маршировать под звуки флейты, – отвечаю я, безупречно вежливо склоняя голову. – Желаю Империи процветания, а Его Высочеству – бесконечного вдохновения.

Мы с братом разворачиваемся и выходим из зала. Тяжелые двери Министерства закрываются за нашими спинами, отсекая запах страха и киновари. На улице дует пронизывающий северный ветер, срывающий с крыш последние снежинки. Я поднимаю воротник соболиной накидки, чувствуя, как холодный воздух наполняет легкие. Где-то там, за высокими стенами Запретного города, инфантильный мальчик и его алчная фаворитка пьют вино, празднуя свою «победу». А старый, циничный Император сидит в своем кабинете, думая, что он управляет хаосом.

Они все забыли одну простую истину: когда рушится крыша, не имеет значения, кто был архитектором. Важно лишь то, кому принадлежит лес, из которого будут строить новую.

– Чэнь, – говорю я, садясь в нашу карету, обитую мягким бархатом. – Отправь гонца на север. Пусть наши зернохранилища в провинции Хэбэй прекращают отгрузки в военные лагеря. Ссылайся на неурожай и порчу мышами.

– Принято, – кивает брат, доставая из рукава блокнот. – Срок исполнения – три дня. Оценка последствий – голодный бунт в гарнизонах через две недели.

– Отлично, – я откидываюсь на спинку сиденья и закры-

ваю глаза. – Пусть Су Чжэнь попробует усмирить голодных солдат стихами о лунном свете. Посмотрим, насколько глубока его поэтическая гармония, когда солдаты начнут есть его лошадей.

Карета трогается, мягко покачиваясь на ухабах. Покой нам только снится. Но пока Империя погружается в кошмар, я намерена спать очень, очень крепко.

Глава IV. Ночной визитер в черном с золотом

Ночной холод в моем павильоне «Слушающая Сосна» имеет особый, хрустальный привкус, словно кто-то раскрошил в воздухе тонкий лед с замерзшего пруда. Я сижу за столом из корня вяза, укрыв плечи накидкой из чернобурой лисы, и при свете масляной лампы изучаю шелковые карты торговых путей Великой Янь. Это не те бесполезные свитки с изображением гор и духов, что пылятся в императорской библиотеке; это живая, пульсирующая кровеносная система Империи, где каждая линия – это караван, а каждый узел – таможня, приносящая звонкую монету.

Красной тушью я аккуратно обвожу маршрут, ведущий через северные перевалы. Именно туда, где новый главнокомандующий Су Чжэнь, брат моего «белого лотоса», уже умудрился потерять три обоза с зимним обмундированием, перепутав, по слухам, левый фланг с правой стороной поэтического свитка. Моя матушка сегодня утром скупила все долговые расписки поставщиков, чьи товары теперь гниют в сугробах. Завтра эти поставщики придут к нам за спасением, а послезавтра северная логистика будет принадлежать дому Чжао.

Пламя лампы внезапно вздрагивает, отбрасывая на бу-

мажные ширмы рваные, длинные тени. Аромат сандала и старой бумаги мгновенно рассекается резким, почти неуловимым запахом морозного ветра, вороненой стали и дорогого, терпкого мускуса.

Я не вздрагиваю. В доме, где отец по ночам тайком тренируется с тяжелой алебардой, а мать хранит под подушкой не сборник стихов, а кинжал с отравленным лезвием на случай корпоративного шпионажа, к неожиданным гостям привыкаешь рано. Я лишь медленно, с безупречным спокойствием, придвигаю чистый лист рисовой бумаги, накрывая им самую чувствительную карту с маршрутами контрабандной соли, и беру в руки кувшин с чаем.

– Тайная Стража Империи, должно быть, совершенно забыла, как пользоваться дверями, – произношу я в пустоту, не оборачиваясь, и наливаю темно-янтарный пуэр во вторую, заранее приготовленную фарфоровую чашу. – Или же князь Ли Юань считает, что проникновение через окно добавляет веса его аргументам?

Из густой тени у резной колонны бесшумно выступает фигура. Князь Ли Юань, глава Тайной Стражи, незаконный дядя Наследного Принца и человек, чье имя в столице произносят только шепотом и только после третьего бокала вина. На нем халат из черного, как беззвездная ночь, шелка, по которому тончайшими золотыми нитями вышит узор чешуи мифического цзяолуна. Золото не блестит, оно лишь тускло мерцает при каждом его шаге, напоминая прожилки драгоценной руды в темной породе. Он опасен, безупречен и чертовски красив той хищной, холодной красотой, которая заставляет умных людей держаться подальше, а глупых – тя-

нуться к огню.

– Двери охраняются вашей семейной стражей, госпожа Чжао, – голос князя звучит низко, с легкой, обволакивающей хрипотцой, от которой по спине пробегает приятная, почти электрическая дрожь. – А я предпочел не будить вашего батюшку. Говорят, его рана от отравленной стрелы требует абсолютного покоя, особенно когда он спит в обнимку с бочонком вина из Шаосина.

Я наконец поворачиваюсь к нему, позволяя себе легкую, вежливую улыбку, не касающуюся глаз.

– Отец ценит свою приватность. Присаживайтесь, князь. Чай остывает, а в эти морозы горячий пуэр – единственная валюта, которая не обесценивается.

Ли Юань принимает приглашение, опускаясь на подушку напротив. Его движения текучи и лишены всякой суеты, словно он не человек, а тень, обретшая плоть. Он берет чашу длинными, бледными пальцами, на которых нет мозолей от меча, но есть тонкие, почти невидимые шрамы от гарроты и ядов.

– Император не спит, Юньси, – Ли Юань не использует титулы, и в этом сокращении дистанции кроется не фамильярность, а констатация факта: мы оба слишком умны для придворного этикета. – Его Величество смотрит на то, как его сын разваливает армию, и видит, как дом Чжао методично скупает осколки. Тайная Стража обязана задавать неудобные вопросы. Например: когда именно генерал Чжао решит, что

его «болезнь» прошла, и приведет свои легионы к воротам Запретного города? Вы планируете переворот?

Я делаю глоток чая, позволяя терпкой горечи омкнуть язык. Вопрос предсказуем. Дворец, привыкший мыслить категориями стали и крови, искренне не понимает, что мир давно изменился.

– Переворот? – я тихо смеюсь, и звук этот напоминает звон нефритовых подвесок на ветру. – Князь Ли, вы оскорбляете мой интеллект. Зачем марать руки кровью, когда можно марать их чернилами? Кровь плохо отстирывается от шелка, портит фэншуй тронного зала и, что самое важное, требует огромных расходов на похороны и пенсии вдовам.

Ли Юань прищуривается, его темные глаза, в которых пляшут отблески пламени, впиваются в мое лицо, ища хоть каплю скрытой горечи или уязвленного женского самолюбия.

– Вы не злитесь, не плачете, а ведь ваш жених бросил вас ради интриганки, ваш отец отстранен от командования, а ваш брат закрыл трибунал. Любая другая женщина из знатного рода уже бы бросилась в пруд или писала кровавые памфлеты. А вы сидите здесь и перекраиваете карту Империи.

– Слезам свойственно испаряться, князь, а долги остаются, – отвечаю я, обводя пальцем красную линию на карте. – Мы не планируем переворот. Мы просто дали Наследному Принцу и его очаровательной фаворитке крепкую, шелковую веревку. Они сами, с песнями и стихами о высокой

любви, вешают на нее Империю. Зачем мне толкать их под ноги, если гравитация и их собственная глупость справляются гораздо эффективнее?

Ли Юань медленно ставит чашу на стол, в его взгляде вспыхивает нечто новое – не подозрение, а глубокое, почти хищное восхищение. Он привык иметь дело с фанатиками, глупцами и истеричными аристократами. Столкновение с холодным, безжалостным прагматизмом действует на него, как глоток ледяной воды в пустыне.

– Су Чжэнь на севере уже распродал половину казенных лошадей, чтобы оплатить долги за игру в кости, – тихо произносит Ли Юань, наклоняясь чуть ближе. Запах мороза и стали становится отчетливее. – Варвары узнают об этом к весне. Когда они прорвут заставы, Император будет вынужден казнить клан Су, чтобы успокоить толпу. А ваш отец, чудесным образом исцелившись, вернется в седло. Это ваш план?

– Моя ничтожная семья не смеет строить планы за спиной у Сына Неба, – безупречно вежливо отвечаю я, опуская ресницы. – Мы лишь заботливые подданные. Если варвары придут, мы, конечно, продадим Империи зерно и железо. По справедливой, разумеется, рыночной цене, хотя... вероятнее с небольшой наценкой за срочность и риски военного времени.

Уголок губ Ли Юаня дрогает в подобии улыбки.

– Вы безжалостны, Чжао Юньси. Вы опаснее любого мя-

тежника, потому что мятежник хочет занять трон, а вы, кажется, хотите купить сам дворец, чтобы сдать его в аренду.

– Трон – это просто стул с неудобной спинкой и кучей обязательств, – парирую я, поднимая на него взгляд. – Мне не нужна корона, князь. Мне нужно, чтобы тот, кто ее носит, платил по счетам вовремя. А ваш племянник, увы, оказался злостным неплательщиком.

Ли Юань молчит несколько мгновений, изучая меня так, словно видит насквозь, до самых потаенных уголков души, где вместо розовых лепестков лежат слитки золота и своды законов. Затем он медленно поднимается, его черные одежды шуршат, как крылья ночной птицы.

– Император спросил меня сегодня, стоит ли ему бояться дома Чжао, – произносит князь, глядя на меня сверху вниз. Золотые нити на его плечах ловят последний отблеск лампы. – Я ответил, что бояться нужно не вам. Бояться нужно того дня, когда вы решите, что Империя больше не приносит дивидендов.

– Передайте Его Величеству, что его инвестиции в мое терпение пока что окупаются, – отвечаю я, оставаясь сидеть. – И князь... в следующий раз, когда решите нанести ночной визит, предупреждайте. Я бы предложила вам вино получше. Этот пуэр был заварен для матушки, а она предпочитает купаж покрепче.

Ли Юань склоняет голову в легком, насмешливом поклоне, в котором сквозит неподдельное уважение.

– Учту, госпожа Чжао. Спокойной ночи. И пусть ваши карты всегда сходятся.

Ли Юань делает шаг назад, и тень поглощает его. Лишь легкое колыхание бумажной ширмы и усилившийся запах мороза выдают, что я снова одна. Я сижу неподвижно, слушая, как ветер за окном треплет ветви сосны. Сердце бьется ровно, без единого сбоя. Я протягиваю руку и убираю лист рисовой бумаги, снова открывая карту северных провинций. Беру кисть, обмакиваю в черную тушь и жирной линией перечеркиваю старый логистический узел, принадлежавший клану Су.

Переворот? Какая пошлость. Настоящая власть не нуждается в штурме дворцовых стен. Настоящая власть – это когда император сам подписывает указ о передаче тебе ключей от казны, искренне веря, что это была его идея. Я улыбаюсь своему отражению в темном окне. Покой нам только снится. Но, похоже, этой ночью я буду спать с улыбкой. Завтра предстоит скупить еще три шелковые мануфактуры, и мне нужно будет выглядеть безупречно скорбящей о судьбах отечества, подписывая акты о банкротстве.

Глава V. Первый провал «Белого Лотоса»

Утренний свет, проникающий сквозь решетчатые окна беседки «Слушающая Сосна», окрашивает рисовую бумагу в оттенки разбавленного янтаря, превращая каждый иероглиф финансовой сводки в маленький, но предельно точный приговор чьей-то карьере. Сажусь за столом, кутаясь в накидку из лисьего меха, чья густая мягкость согревает плечи лучше любых благовоний, и неспешно потягиваю пуэр, заваренный на талой воде с горных ключей провинции Юньнань – тот самый настой, что стоит дороже, чем месячное жалование столичного цензора, и обладает терпкостью, способной разбудить даже самый сонный разум после ночи, проведенной за расчетом торговых маршрутов.

Передо мной, аккуратно разложенные веером, лежат три свежих донесения, доставленных на рассвете гонцами, чьи лошади еще парят от стремительной скачки через промерзшие поля. Бумага хрустит под пальцами, источая слабый запах дорожной пыли и конского пота – аромат, который в доме Чжао ценится куда выше изысканных духов из лепестков орхидеи, ибо означает своевременную информацию, а информация, как неустанно повторяет матушка, это един-

ственный товар, который не портится от влажности и не теряет в цене при транспортировке через горные перевалы.

Разворачиваю первый свиток, и уголки губ невольно приподнимаются в той самой холодной, удовлетворенной улыбке, которую придворные дамы называют «оскалом торговли», не понимая, что это выражение абсолютного, математически выверенного триумфа.

«Северные рубежи. Застава Железных Ворот. Двенадцатый день третьей луны.

Главнокомандующий Су Чжэнь, вступив в должность ровно восемь дней назад, изволил устроить приветственный пир для офицерского состава гарнизона, истратив на закупку вина и деликатесов сумму, эквивалентную трехмесячному запасу провианта для двух тысяч солдат. В качестве развлечения для гостей была приглашена труппа странствующих актеров из столицы, чей проезд через военную зону потребовал специального эскорта из пятидесяти всадников, которых пришлось снять с патрулирования восточного фланга. Варвары, наблюдавшие за этим балаганом со своих укреплений за рекой, устроили ночной набег именно на участок, оставленный без надзора, и угнали сто двадцать голов скота, предназначенного для армейских нужд.

Когда заместитель командующего, ветеран пограничных войн, осмелился доложить о происшествии, Су Чжэнь счел критику оскорблением своей поэтической натуры и приказал перевести офицера на должность смотрителя коню-

шен. Солдаты, лишённые мяса и уже второй месяц питающиеся одной просяной кашей, начинают роптать. Настроения в гарнизоне характеризуются как «предгрозовые»».

Откладывая донесение, позволяя языку скользнуть по зубам, словно пробуя на вкус эту восхитительную, кристаллизованную глупость. Сто двадцать голов скота. Заместитель командующего, чье имя, если мне не изменяет память, связано с тремя успешными кампаниями против степных племен, отправлен чистить навоз. А Су Чжэнь, чей максимальный военный опыт ограничивается наблюдением за парадным строем гвардейцев во время праздника Фонарей, искренне верит, что варваров можно усмирить пятистишием о величии осенней луны над полями сражений.

Матушка всегда говорила, что конкуренты сами роют себе могилу – нужно лишь вежливо протянуть им лопату и не мешать процессу. Семья Су получила лопату, расшитую золотом и усыпанную нефритом, и теперь усердно углубляет яму, искренне полагая, что строит фундамент для династического величия.

Второе донесение еще лаконичнее, но от этого не менее смачное:

«Столица. Восточный Дворец. Тринадцатый день третьей луны.»

Принцесса Су Ваньэр, обнаружив, что поставки юньнаньского нефрита для отделки ее личных покоев задерживаются на неопределенный срок из-за «технических сложностей с

караванными путями» (что означало на деле, что дом Чжао прекратил кредитование подрядчиков), устроила истерику, разбив три фарфоровые вазы эпохи Минимальной стоимостью в пятьсот лянов каждая. Наследный Принц Ли Цзянь, утешая возлюбленную, пообещал лично разобраться с «саботажем торгашей» и приказал Министерству Дворцовых Дел конфисковать партию нефрита из частных лавок столицы силами городской стражи.

Министерство Дворцовых Дел робко напомнило Его Высочеству, что подобные действия нарушают императорский эдикт о свободе торговли и чреваты массовыми протестами купеческих гильдий. Принц ответил цитатой из древнего трактата: «Когда правит добродетель, народ не нуждается в законах». Министры переглянулись, но промолчали».

Звук, вырвавшийся из горла, больше напоминает фырканье, чем смех, но удержаться невозможно. Ли Цзянь решил конфисковать нефрит. Нефрит, добыча и обработка которого в девяноста процентах случаев контролируется либо напрямую домом Чжао, либо нашими партнерами, связанными долговыми обязательствами крепче, чем железными цепями. Конфискация коснется, разумеется, мелких лавочников – тех самых, что составляют костяк столичного торгового класса, платят налоги и обеспечивают город продовольствием. Наследный Принц собственноручно, с благородным рвением романтического героя, разжигает пожар социально-

го недовольства, даже не понимая, что держит в руках факел.

Су Ваньэр плачет из-за нефритовых полов. Какая трогательная, почти библейская картина страдания. Интересно, продолжит ли она плакать, когда ее брат на севере потеряет не сто двадцать коров, а весь стратегический форт, потому что солдаты, измученные голодом и презрением бездарного командира, просто откроют ворота варварам в обмен на горячую пищу и обещание не резать их сразу?

Третье донесение – самое короткое, но и самое пикантное:
«Тайные источники при дворе. Четырнадцатый день третьей луны.»

Император вызвал к себе главного казначея и поинтересовался, почему расходы Восточного Дворца за последний месяц превысили бюджет Министерства Ритуалов в полтора раза. Казначей предоставил детализованную смету, из которой следует, что большая часть средств ушла на «культурно-просветительские мероприятия» и обустройство покоев наследной принцессы». Его Величество молча изучил бумаги, затем спросил: «А где деньги на зимнее обмундирование северных гарнизонов?» Казначей ответил: «Этот пункт был сокращен по распоряжению Наследного Принца, дабы перенаправить средства на поддержку поэтических салонов, способствующих моральному подъему войск».

Император ничего не сказал, но приказал передать Князю Ли Юаню, главе Тайной Стражи, личное послание. Со-

держания неизвестно, но после беседы с гонцом Князь был замечен направляющимся в сторону поместья Чжао».

Вот и пазл складывается. Император не идиот – он циничный, расчетливый старик, который прекрасно видит, как его обожаемый наследник методично разрушает административную машину государства, руководствуясь «высокими чувствами» и нашептываниями алчной интриганки. Но Император также понимает, что прямое вмешательство подрвет авторитет будущего Сына Неба. Поэтому он выбирает классическую тактику: позволить ребенку обжечься о горячий котел, чтобы тот наконец усвоил, что огонь – это не декорация для романтического свидания, а инструмент, требующий уважения и осторожности.

А визит Ли Юаня прошлой ночью был разведкой, Император отправил своего самого острого клинка проверить, собирается ли дом Чжао свергать трон, или же мы просто... наблюдаем, как трон сваливается сам под тяжестью некомпетентности тех, кто на нем сидит.

Допиваю чай, чувствуя, как тепло растекается по груди, смешиваясь с холодным, почти хирургическим удовлетворением. План работает. Семья Су, опьяненная внезапной властью и доступом к казне, ведет себя как крестьяне, выигравшие в лотерею императорских земель и решившие, что теперь могут плевать в сторону законов гравитации. Ли Цзянь, ослепленный «чистой любовью» своего «белого лотоса», не замечает, что его возлюбленная не строит с ним будущее, а

банально разворовывает настоящее, набивая карманы своего клана.

Но мир, как известно, не терпит пустоты и не прощает некомпетентности, особенно когда некомпетентность расположилась на стратегически важном северном рубеже, за которым толпятся варвары, чье понимание дипломатии ограничивается количеством награбленного скота.

Спокойствие утра взрывается резким стуком копыт по мощеным дорожкам поместья. Поднимаю взгляд от донесений и вижу, как через главные ворота влетает запыхавшийся гонец в грязной, залитой потом форме столичной курьерской службы. Его лошадь, белая от пены, едва держится на ногах. Значит, новость срочная, очень срочная.

Служанка, почтительно склонившись, протягивает мне четвертый свиток – тот самый, что гонец вез без остановок, меня лошадей на каждой станции. Разворачиваю бумагу, и первая строка заставляет дыхание на мгновение замереть, а затем вырваться легким, почти музыкальным смешком.

«Северные рубежи. Застава Железных Ворот. Пятнадцатый день третьей луны. Экстренное донесение.»

Вчера вечером, воспользовавшись густым туманом и халатностью караульных, которые были сняты с постов для обслуживания очередного поэтического вечера главнокомандующего, отряд варваров численностью около трехсот всадников подошел к южным воротам форта. Вместо штурма они выставили белый флаг и потребовали перегово-

воров.

Су Чжэнь, польщенный тем, что «дикари наконец оценили его мирную политику», лично вышел на переговоры в сопровождении лишь двух телохранителей и переводчика. Варвары предложили следующий «обмен»: они вернут угнанный скот и обязуются не нападать на форт в течение года, если Су Чжэнь передаст им тридцать мешков зерна, двадцать рулонов шелка и... сам покинет должность, уступив командование «тому седому воину, что чистит лошадиное дерьмо», то есть смещенному заместителю. Су Чжэнь, решив, что это наглая провокация, отказался и попытался процитировать классический трактат о достоинстве правителя. Варвары не стали слушать, они просто развернулись, угнали еще пятьдесят лошадей прямо с пастбища у стен форта и исчезли в степи.

Су Чжэнь, вернувшись в крепость, написал гневное письмо Наследному Принцу, обвиняя «саботажников из рода Чжао» в том, что они тайно подкупили варваров, дабы опорочить его, Су Чжэня, безупречную репутацию. Он требует расследования и казни «торгашей, предавших интересы Великой Янь ради грязной наживы».

Позволяю себе на мгновение закрыть глаза, наслаждаясь абсурдной, почти оперной гротескностью ситуации. Варвары – те самые «дикие кочевники без культуры», которых столичные аристократы изображают на свитках в виде уродливых демонов с клыками, – проявили больше здравого смыс-

ла и стратегического мышления, чем назначенный Императором главнокомандующий. Они не стали штурмовать форт, теряя людей, а просто предложили сделку, чью логику понял бы любой торговец на базаре: мы возвращаем ваши коровы и не трогаем вас, если вы уберете этого идиота и дадите нам немного провианта.

Но Су Чжэнь, ослепленный гордыней и искренне верящий, что цитата из трактата трехсотлетней давности способна остановить голодных воинов, отказался. И теперь обвиняет в своем провале... нас. Встаю, расправляя плечи, и медленно иду к окну, выходящему на внутренний двор, где отец, чья «смертельная болезнь» сегодня удивительным образом позволила ему провести утреннюю тренировку с алебардой, методично рубит воздух, отрабатывая удары с точностью хирурга. Матушка сидит в тени павильона, погруженная в изучение очередного гроссбуха, ее кисть выводит столбцы цифр с безжалостной элегантностью каллиграфа, выписывающего смертный приговор. Брат Чэнь, несмотря на «отпуск», разбирает стопку судебных прецедентов, его лицо невозмутимо, как маска из белого нефрита.

Семья Чжао – не бунтует, не плетет заговоров и не подкупает варваров. Мы просто делаем свою работу – считаем деньги, затачиваем мечи и записываем законы. А мир вокруг рушится не потому, что мы его ломаем, а потому, что те, кто обязан его поддерживать, слишком заняты сочинением од о весеннем цветении, чтобы заметить, что фундамент сгнил.

К полудню в главный зал поместья вваливается делегация из Восточного Дворца. Во главе – старший евнух Министерства Дворцовых Дел, чье лицо покрыто испариной, несмотря на зимний холод, а руки, сжимающие свиток с императорской печатью, дрожат так, словно он несет не бумагу, а ядовитую змею. За его спиной – трое младших чиновников, чьи взгляды мечутся по залу, избегая встречаться с моими глазами.

Матушка, восседающая на резном кресле из черного дерева, медленно откладывает гробсбух и поднимает на евнуха взгляд, в котором застыла та самая вежливая, ледяная учтивость, от которой закаленные переговорщики начинают заикаться.

– Министерство Дворцовых Дел удостоивает наш скромный дом визитом, – ровный, бархатный голос матушки наполняет зал. – Полагаю, речь идет не о поздравлениях с наступающим праздником Весеннего Равноденствия?

Евнух сглатывает, разворачивает свиток и начинает читать дрожащим голосом, из которого тщательно выжата всякая интонация, оставив лишь механическое воспроизведение чужих, явно продиктованных слов:

– По воле Наследного Принца Ли Цзяня, действующего от имени Его Величества Императора... дом Чжао обвиняется в государственной измене, выразившейся в тайном сговоре с варварскими племенами северных степей с целью подрыва авторитета законной власти и дестабилизации обороны ру-

бежей Великой Янь.

Тишина, повисшая в зале, настолько плотная, что слышно, как за окном ветер шелестит сухими листьями бамбука. Отец, стоящий у колонны, медленно скрещивает руки на груди, и его шрамированное лицо приобретает выражение человека, который только что услышал, как ребенок обвинил закаленного полководца в трусости. Брат Чэнь, сидящий в углу за столом с юридическими свитками, даже не поднимает головы, лишь едва заметно качает ею, словно фиксируя очередной случай вопиющего нарушения процессуального права. А матушка... матушка улыбается – это та самая улыбка, которую торговцы называют «поцелуем акулы» – прекрасная, безупречная и абсолютно смертоносная.

– Государственная измена, – повторяет матушка, словно пробуя слово на вкус. – Какое серьезное обвинение. Полагаю, у Его Высочества есть доказательства? Свидетельские показания? Перехваченная переписка с варварскими вождями? Или хотя бы отчет о подозрительных финансовых операциях?

Евнух бледнеет еще сильнее, его адамово яблоко мечется вверх-вниз.

– Доказательством является... является сам факт того, что варвары потребовали смещения главнокомандующего Су Чжэня и возвращения на пост... э-э... вашего супруга, генерала Чжао. Это... это явное свидетельство сговора!

Отец издает звук, напоминающий сдавленное рычание

медведя, которого разбудили посреди зимней спячки ради откровенной глупости.

– Так варвары обладают здравым смыслом и понимают, что армией должен командовать воин, а не версификатор, неспособный отличить строй от поэтической строфы, – и это делает меня предателем? – голос отца гремит, заставляя младших чиновников инстинктивно отступить на шаг. – Может, тогда стоит обвинить варваров в государственной мудрости, раз они видят очевидное, чего не видит Восточный Дворец?

– Отец, – мягко вмешиваюсь, поднимаясь с места и делая шаг вперед. Мой голос звучит спокойно, почти сочувственно, словно обращаюсь к ребенку, запутавшемуся в простейшей арифметической задаче. – Не стоит пугать уважаемого посланника. Он лишь выполняет приказ.

Поворачиваюсь к евнуху, складываю руки в безупречном придворном жесте и склоняю голову ровно на тридцать градусов – достаточно, чтобы продемонстрировать уважение к должности, но недостаточно, чтобы признать обоснованность обвинения.

– Передайте Его Высочеству Наследному Принцу, что дом Чжао глубоко скорбит о его озабоченности. Мы, ничтожные подданные, искренне желаем помочь развеять все недоразумения. Для этого мы готовы предоставить полный финансовый отчет о наших торговых операциях за последние пять лет, включая все сделки с северными провинциями. Мы

также готовы передать копии всей нашей деловой переписки, дабы Его Высочество мог лично убедиться, что в ней нет ни единого упоминания о варварах, за исключением стандартных предупреждений караванщикам о необходимости усиленной охраны.

Делаю паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе, а затем добавляю, и голос мой приобретает оттенок стали, обернутого в шелк:

– Разумеется, это займет некоторое время. Наши архивы весьма обширны. Полагаю, три-четыре месяца на подготовку документов – вполне разумный срок. Мы ведь хотим, чтобы расследование было максимально тщательным, не правда ли?

Евнух открывает рот, затем закрывает его, понимая ловушку. Четыре месяца. За четыре месяца на северной границе может произойти что угодно – от полного краха обороны до открытого бунта голодающих солдат. За четыре месяца Су Чжэнь успеет наделать столько ошибок, что его имя станет нарицательным в значении «бездарный выскочка». А главное – за четыре месяца весь столичный торговый класс, взбешенный конфискацией нефрита и другими «инициативами» Восточного Дворца, превратится в кипящий котел недовольства, способный взорваться социальным бунтом.

– Но... Его Высочество требует немедленного... – лепечет евнух.

– Немедленного чего? – холодно обрывает матушка. –

Признания в несуществующем преступлении? Увы, даже если бы мы хотели угодить Принцу, мы физически не способны признаться в том, чего не совершали. Это противоречит базовым законам логики. Мой сын, судья трибунала, может предоставить вам юридическое обоснование, почему вынужденное признание недействительно в суде.

Брат Чэнь, не отрываясь от свитков, невозмутимо произносит:

– Статья сорок шесть Кодекса Уголовного Судопроизводства. Признание, данное под давлением или в отсутствие материальных доказательств, является ничтожным. Попытка принуждения к ложному признанию карается ссылкой на каторжные работы сроком от трех до пяти лет. Для чиновников – усиленное наказание.

Последняя фраза падает на евнуха, как ледяная глыба. Он бледнеет настолько, что его лицо приобретает оттенок рисовой бумаги. Младшие чиновники за его спиной начинают медленно пятиться к выходу, явно не желая оказаться соучастниками юридического самоубийства.

– Мы... мы передадим ваш ответ Его Высочеству, – выдавливает евнух и, схватив полы халата, стремительно ретируется из зала, увлекая за собой свиту.

Тяжелые двери закрываются с глухим стуком. Матушка медленно поднимается, подходит к окну и смотрит на удаляющиеся фигуры.

– Ваньэр сейчас плачет на груди у Принца, обвиняя нас

в жестокости и нежелании помочь ее бедному, оклеветанному братцу, – ровно произносит матушка. – Ли Цзянь, естественно, поверит каждому ее слову.

– И что он сделает? – спрашиваю, подходя к ней.

– То, что делают все инфантильные правители, столкнувшиеся с сопротивлением, которое нельзя сломать грубой силой, – отвечает матушка, и в ее глазах вспыхивает холодное, торжествующее пламя. – Он попытается нанести удар по нашей репутации. Прикажет своим прихлебателям распространять слухи о «торгашах-предателях». Возможно, даже устроит показательный суд над кем-нибудь из наших мелких партнеров, чтобы запугать остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.